

Кры-жить¹

Геннадий был обычным бухгалтером в небольшой конторе, снимавшей офис в помещении бывшего завода. Дорога к офису шла через промзону, мимо заросших палисадников, окружённых покорёженной рабицей, вдоль заколоченных дверей, над которыми выцветали потрескавшиеся вывески работавших в советское время столовых. Казалось, что время, проведённое в пути от автобусной остановки до проходной бывшего ИнФизПерДорДопСевЗапКана, текло в особо медленном темпе, а иногда даже останавливалось – так пустынно и тихо было на этих неприметных улочках.

Геннадий был человеком размеренным, упорядоченным, старавшимся всё в жизни подчинить правильным привычкам. Подъём – в шесть тридцать. Контрастный душ. Двести десять движений зубной щёткой – по сто пять правой, а затем левой рукой – для развития обоих полушарий мозга. Кофе с двумя бутербродами с сыром. Быть на остановке за семь минут до прибытия автобуса. Вечером пройтись в спортивном темпе вокруг дома четыре раза. Спать – в двадцать два тридцать. Квартальный отчёт – вовремя. Годовой отчёт – без опозданий.

Раз в три месяца – покупка нового нательного белья и носков, раз в полгода – осмотр у врачей областной поликлиники. Не переохлаждаться. В холодное время года обязательно носить варежки – не перчатки, в которых пальцы мёрзнут, а потом заплетаются, перебирая сметы и чеки, а варежки, связанные из чистошерстяной пряжи.

¹ Крыжить – бухгалтерский термин, означающий «ставить крестики или галочки в процессе сверки документов по пунктам»; от польск. krzyż – крест.

Ну и что, что странно смотрятся с плащом, зато суставы не застудишь.

Варежки Геннадий не менял, как майки или носки. Он стирал их вручную в слабом мыльном растворе раз в неделю, в субботу вечером. И всё воскресенье они сушились, лёжа строго горизонтально на специальной решётке, предназначенной для запекания курицы гриль. Курицу гриль Геннадий не ел из-за её чрезмерной жирности, а вещи просто так не выбрасывал, поэтому приспособить решётку для сушки варежек считал отличной идеей.

В понедельник варежки, мягкие, пахнущие детским мылом и как будто бы бабушкиным деревянным сундуком, забирались Геннадием с решётки после ста пяти движений зубной щёткой левой рукой и завтрака, складывались в карманы плаща (правая – в правый, левая – в левый) и через тридцать семь минут уже были на автобусной остановке, а дальше совершали со своим хозяином привычную прогулку по заброшенным улицам промзоны.

Даже если утром на градуснике за кухонным окном столбик ртути переползал за отметку семь градусов, варежки всё равно путешествовали до работы и обратно – на случай внезапного похолодания.

В юбилейный, пятнадцатый год работы Геннадия в ООО «Маслов и Суслов» ноябрь выдался тёплым и солнечным, а потому варежки почти всё время жили в карманах кожаного плаща и тёрлись шерстяными колючими боками о скользкую подкладку в ожидании холодов.

В пятницу семнадцатого числа в офисе был назначен корпоратив в честь дня рождения компании, рабочий день сократили до четырнадцати ноль-ноль, а в маленькое окошко кассы выстроилась очередь желающих получить премию, выписанную щедрым руководством опять же в связи с праздничной датой. Работа останови-

лась, сотрудники радостно галдели, как воробьи, собравшись группками и обсуждая, что же будет в меню вечерней пьянки.

Геннадий, сверивший документы по премии и расходам на закупку еды и алкоголя для праздничного стола, вышел из кабинета, постучался к начальнику и отпросился с корпоратива: полезнее пройтись пешком с работы и совершить лишних пару кругов вокруг дома. А премию можно и в понедельник получить, а не стоять в очереди.

На выходе с проходной Геннадия окликнул Петя, монтажник холодильного оборудования, два года и три месяца назад устроившийся в ООО.

– Домой?

Геннадий остановился и дождался запыхавшегося Петю.

– Домой.

– На автобусе? – выдохнул Петя.

– Пешком.

Геннадий даже порадовался, что решил сегодня прогуляться: совершенно не хотелось общаться с Петей, непонятно было, о чём с ним разговаривать. Виделись они довольно редко, когда Петя приходил в кабинет Геннадия расписываться в каких-нибудь приказах.

– Отлично! Я тоже, – радостно выпалил Петя. – Премию-то из-за прогулов не выписали, нечем проезд даже оплатить.

Геннадий почувствовал себя неловко. Премии выписывал он. Понятно, что если человек прогуливает, то виноват в этом он сам, а не бухгалтер. Но тем не менее Геннадий, рассматривавший всех работников конторы скорее как бумаги приказов и отчётов, чем как людей, ощутил от этой внезапной встречи с реальностью и последствиями своей честной работы какой-то неприятный холодок в желудке.

– Да ладно! – Петя похлопал Геннадия по кожаному плечу плаща и подмигнул. – Я ж это... без претензий, всё понимаю. Ты у нас работник ответственный. А я... так, раздолбай. Да и вообще, я уволился, в понедельник уже не увидимся, а расставаться надо без обид.

– Как уволился? А приказ? А расчёт? – поперхнулся этой внезапной новостью Геннадий. – Я ж все отчёты по неделе сдал. А две недели отработать?

– Да я так, без расчёта, без двух недель. Хлопнул дверь, так сказать, – засмеялся Петя. – У меня ж, понимаешь, обстоятельства, на которые всем нас... ну наплевать, в общем. Детей трое, жена беременная, то в поликлинику свози, то из садика заberi, подработки разные. Ну вот и прогуливаю, значит. А им, ну начальству, понимаешь, дела нет. Ну я понимаю, если бы я бухал или там... план не выполнял. Короче, у них если не по правилам, то живи без премии. Эх, ладно. Прорвёмся...

Узкий проход между заброшенным палисадником и рядом расписанных граффити гаражей заставил Геннадия и Петю идти совсем близко друг к другу. Геннадий от этого почувствовал себя ещё больше не в своей тарелке и, хотя погода была по-весеннему тёплая и солнечная, приподнял ворот плаща и засунул руки в карманы так, будто бы ему зябко.

Он шёл молча, а Петя говорил и говорил – про жену, с которой со школы ещё вместе, как из армии ждала, как потом по общежитиям да съёмным квартирам мотались, как первого сына устраивали в школу, как дачу купили, как копили на поездку в Лазаревское, как их дети дружно переболели ветрянкой, а они с женой раскрашивали друг друга зелёнкой (это чтобы младшая дочка не стеснялась выходить на улицу) да ещё и научили её говорить, мол, папа мой – Крапин, мама – Крапина, а я у них – Крапинка.

Промзона почти кончилась. Геннадий достал руку из кармана и протянул её Пете.

– Мне направо...

– Разве? – огорчённо протянул Петя. – Вроде ты со мной в соседнем доме живёшь.

– Мне по делам.

– Ну по делам так по делам. – Петя пожал Геннадию руку. – Хорошо поговорили! Может, увидимся ещё.

– Может. – Геннадий как-то нелепо махнул Пете и зашагал в противоположную от своего дома сторону.

Этот странный разговор долго не отпускал Геннадия; он пытался вернуться к привычной размеренности и уравновешенности, но тело не очень слушалось, и шаги были то в какую-то припрыжку, то мельтешили, как будто надо было куда-то успеть. Обогнув парк Профсоюзов, в котором на заросших аллеях стояли некрашенные скамейки, а в дальнем углу ржавели на вечном приколе качели-лодочки, Геннадий понял, что сегодня вокруг дома он ходить уже не сможет. Придя домой, он даже ужинать не стал, а сразу лёг спать.

Всю субботу Геннадий провалялся в постели: у него поднялась температура, и всё тело ломало так, что даже до чашки кофе добраться не было сил, не говоря уже о бутербродах.

«Грипп, наверное... – думал Геннадий. – От кого-то из сотрудников заразился, пока они всем офисом ходили ко мне расписываться... Или эта дурацкая пешая прогулка. Хоть и тепло, а надо было утеплиться, хотя бы варежки надеть... Варежки! Точно! Суббота же, вечер – надо постирать, чтобы успели высохнуть к понедельнику».

Он собрался с силами, встал с кровати и доковылял до коридора. Залез в правый карман, в левый. Стоп. Снова в правый. Левый, правый.

В руке была одна варежка. Геннадий нашарил на стене выключатель и зажёл в коридоре свет. Осмотрел весь пол: вдруг варежка выпала вчера, когда он раздевался? Нет, её нигде не было. Геннадий забыл, что он болен, и выскочил на лестничную клетку в распахнутом халате – под дверь пусто. Он перевесился через перила, заглядывая на площадку ниже этажом, – там тоже ничего. Шаркая тапочками, пробежал до первого этажа – нет, нигде варежки нет.

На улице с вечера пятницы заметно похолодало. Геннадий, наспех одевшись, застёгивая дрожащими пальцами роговые пуговицы плаща, бежал по обдуваемой позёмкой улице вдоль забора парка Профсоюзов, за которым изредка мелькали тусклые желтки фонарей. Он думал о том, правильно ли сейчас повторяет свой вчерашний маршрут, вспоминал, останавливался ли где-то, вглядывался в темноту арочных проёмов, заглядывал на ржавые, корявые подоконники, – может, кто-то подобрал варежку с земли и положил туда. Он дважды обошёл парк, зачем-то пробежался внутри него, пытаясь разглядеть в дрожащем фонарном свете обочины дорожек и содержимое урн. Он даже несколько раз подходил к двери проходной завода и дёргал ручку в надежде на то, что кто-нибудь откроет. Но то ли охранник уже крепко спал, то ли вовсе покинул свой пост, – в общем, Геннадий так никого и не дождался.

Он вернулся домой за полночь в таком подавленном состоянии, которого с ним не случилось со времён нелепого провала на экзамене по экономической теории, когда он, забыв дома ручку, написал ответы на билет карандашом, но от волнения так теребил вспотевшими руками листок, что информация стёрлась почти полностью.

Спал он, конечно, плохо и вскочил заранее, до будильника. Есть не хотелось, хотелось собраться и продолжить

поиски и в первую очередь попасть на работу. Но идти в шесть утра воскресенья в офис было бессмысленно, и Геннадий ждал, нервно поглядывая на часы через каждые три минуты.

В девять ноль-ноль он выскочил во двор и бодро зашагал к промзоне, уговаривая себя, что, скорее всего, варёжка осталась-таки на работе, что даже если он и выронил её там случайно, то её обязательно нашли и отдали на пост охраны.

Кажется, так быстро он никогда не добирался до работы. Но сонный охранник ничего про потерянную варёжку не слышал и очень удивлённо смотрел, как Геннадий жестикулирует правой рукой в варёжке у него перед носом, пряча замёрзшую на морозе левую руку в карман. В итоге Геннадий был запущен внутрь со словами «Смотрите сами!».

Бухгалтер пробежался по всем помещениям, кроме запертого кабинета директора, но варёжки нигде не обнаружил. Усталость и обречённость навалились на него неподъёмным камнем, и он обмяк, опустившись на офисный неудобный стул.

Охранник поднялся к нему, сонному и больному, минут через тридцать, ласково потрепал по руке и спросил, не вызвать ли скорую. Геннадий нервно помотал головой, вскочил и, подволакивая онемевшую ногу, выбежал из офиса.

Простуда валила его с ног, но он целеустремлённо направился в сторону дома, притормозив только у ларька «Роспечать» для того, чтобы выкупить имеющиеся там карты города. Жалко, не было карты района, и, как он ни просил удивлённую бабушку-продавщицу поискать получше, она категорично утверждала, что есть только карты города, страны и мира.

Тогда Геннадий попросил выдать ему все городские карты. Теперь у него были в запасе карта достопримечатель-

ностей, карта с обозначением музеев и других культурно-досуговых учреждений, карта ресторанов, кафе и столовых, поэтический путеводитель по городу и какой-то медицинский справочник с разделом для поиска медучреждений (в нём карта прилагалась к списку больниц).

Придя домой, он безжалостно распотрошил купленные печатные издания, оставив себе только те страницы, на которых было изображение территории, охватывающей его дом, парк Профсоюзов, промзону и здание бывшего ИнФизПерДорДопСевЗапКана.

Высунув язык и взлохматив мокрые от испарины волосы, с усердием отличника и видом предвкушающего победу полководца, Геннадий красной ручкой заполнял карты стрелочками, обводил что-то в кружок, а что-то в квадрат, словно готовился к бою с каким-то известным только ему врагом. Забыв о привычном графике, он пил кофе с бутербродами (то, что можно было сделать побыстрее, чтобы не отвлекаться от процесса) в шесть вечера и не проверял свой рабочий портфель, не делал разминку для спины и суставов.

Он заснул, опустив голову на поэтический путеводитель, так и не поняв, как можно расшифровать карту, описанную с помощью стихотворений.

Геннадий проспал.

Впервые в жизни.

Возможно, он не завёл будильник. А может, просто настолько устал, что не услышал, как тот звонил. Впрочем, как не услышал и звонившего несколько раз телефона, когда его пыталась найти крайне встревоженная его отсутствием секретарь.

Медленно раскрыв глаза, Геннадий некоторое время пытался собраться с мыслями, вспомнить, какой сейчас день и что он делает, лёжа головой на забросанном картами столе.

Затем он посмотрел на часы, на секунду пришёл в ужас от осознания того, что с ним произошло, но тут же взял себя в руки: залпом допив остывший с вечера кофе и еле проглотив засохший бутерброд, сгрёб бумаги в портфель, наспех оделся и двинулся в сторону работы.

В офисе он не поздоровался ни с охранником, ни с секретаршей Люсей, пытавшейся остановить находившегося явно не в себе, растрепанного, с развязанным шнурком и странным блеском в глазах бухгалтера.

Геннадий широким жестом руки и возгласом «Я к директору!» отстранил Люсю и, как внезапный сквозняк, распахнул дверь кабинета шефа.

– Я беру отгул!

Директор, Максим Петрович, вздрогнул. Кажется, он никогда не слышал, чтобы этот человек, крайне исполнительный, неприхотливый и аккуратный во всех проявлениях, так громко разговаривал.

Однако своё удивление и испуг Максим Петрович умело скрыл и не менее грозным голосом произнёс:

– Причина?

– Я варезку потерял... – В горле у Геннадия что-то хрустнуло и голос осип.

– Варезку? – переспросил директор, а потом, побагровев и став точно такого цвета, как пряжа, из которой были связаны рукавицы Геннадия, заорал: – Варезку???

– Да, – проглотив обрушившуюся на него волну голоса, уже более твёрдо сказал Геннадий. – Знаете, я ни разу не брал отгул, я даже больничный не брал, я даже в отпуск всегда ходил вместо июля в феврале, чтобы в графике отпусков этот месяц не пустовал. Я устал, понимаете... И варезку нужно найти...

Геннадий чувствовал, как решимость и уверенность покидают его с каждым новым словом, видел, как скулы Максима Петровича неестественно пульсируют, оттого

что тот то сжимает, то разжимает от негодования челюсть, но всё-таки договорил то, что хотел, до конца.

– Вы же знаете правила внутреннего распорядка лучше, чем любой сотрудник нашей компании... – с тихим шипением выдавил из себя директор. – Вы же сами их составляли... В списке причин, по которым может быть предоставлен отгул, нет пункта «Потерял варежку».

– И пункта «Свозить детей в поликлинику» тоже нет... – как-то в себя произнёс Геннадий.

– Что? – переспросил Максим Петрович.

– Я го-во-рю, – по слогам, с нарочитой чёткостью заговорил Геннадий, – что вам, Максим Петрович, всему нашему руководству, насрать – да, вы не ослышались, насрать! – на работников, если что-то не по правилам.

– Вон... Вон! – завопил директор. – Вы уволены! Вы рехнулись, наверное! Заявление Люсе на стол! Или я по статье вас...

– Статей вы не знаете... – перебил его Геннадий. – Сам уволюсь, без пособия и без двух недель отработки: у меня половина неиспользованного отпуска ещё с позапрошлого года висит. Разгребайте сами годовой отчёт.

Дверь кабинета хлопнула, а Люся хлопнула длинными ресницами. Геннадий спокойно прошёл мимо неё в свой кабинет, собрал вещи, стёр информацию о всех бухгалтерских операциях из компьютера и быстро и размашисто (не как обычно – аккуратными маленькими буквами) написал заявление об уходе. Люся опять хлопнула ресницами, когда заявление легло перед ней на стол.

– До свидания, Геннадий Валентинович... – по привычке улыбнувшись, сказала она.

– Вряд ли увидимся, Людмила Сергеевна, – улыбнулся в ответ Геннадий.

Он вышел из проходной бывшего ИнФизПерДор-ДопСевЗапКана с портфелем, набитым картами и личны-

ми вещами, которые он забрал из офиса, и решил пойти домой. Он чувствовал, что действительно устал. План по поиску варежки можно было немного отложить, чтобы прийти в себя.

Когда бывший бухгалтер ООО «Маслов и Суслов» уже почти вошёл в подъезд, его окликнул знакомый голос.

– Геннадий! Ты чего это не на работе?

Петя помахал Геннадию рукой с детской площадки, высунувшись из песочницы, где сидел над куличиками с маленькой девочкой.

– Петя, привет! – Геннадий всё ещё стоял у двери подъезда, и ему приходилось кричать, чтобы Пете было слышно. – Петя, я уволился!

– Как уволился?... Да ты иди сюда! Чего кричим-то?

Геннадий спохватился и подошёл к песочнице. Девочка подняла взгляд от куличиков и улыбнулась совсем не дежурной улыбкой, от которой ему стало по-настоящему приятно на душе, совсем не так дежурно-приятно, как от улыбки Люси.

– А я, представляешь, думал к тебе зайти сегодня, – так же приятно улыбнулся Петя, – но только я же квартиру твою не знаю. И вот сижу тут и думаю, как бы это, значит, тебя поймать... И вдруг, понимаешь, ты идёшь! Я аж не поверил, что такая удача... А то пришлось бы все квартиры обойти.

– Петя, а я вот... уволился... Спасибо тебе, Петя!

– За что спасибо? Мне-то за что? Это ж Люська всё!

– «Люська всё»? – повторил за Петей ничего не понимающий Геннадий.

– Ну Люська! Секретуточка же нашего... этого... кхм... бывшего шефа, – гоготнул Петя.

– А что Люська? – совсем опешил Геннадий.

– Ну варежку твою нашла! Шла после корпоратива, а она на ветке висит!

– Люська?

– Да какая Люська! Варешка же! Ну так вот. А Люська ж с моей Аней, ну с женой то есть, подружки. И вот Люська приходит к нам и варешку приносит. И говорит мне: «Петя, вечно ты теряешь всё! Работу, варешки детские, так и жену потеряешь...» А я ей говорю: «Ты, Люська, хорош выдумывать. Максимке своему лапшу на уши вешай. И варешка эта не детская, а нашего бухгалтера Геннадия». Люська фыркнула и говорит: «Я смотрю, с чувством юмора у тебя тоже проблемы» – и ушла. А я сразу твою варешку узнал, у меня память фотографическая...

Петя пошарил в кармане и достал варешку.

– Спасибо! – Геннадий взял варешку у Пети и достал вторую из своего правого кармана.

Варешки и вправду были очень маленькими, как будто на детскую ручку. Ворсинки пряжи сваялись, – наверно, с последней стиркой что-то пошло не так, и они сели... Но всё равно понятно было, какие они приятные на ощупь, и цвет какой – брусничный – загляденье!

Геннадий наклонился в песочницу.

– нравятся?

Девочка снова подняла на него свои светлые глаза и кивнула.

– Тогда держи! – Он протянул девочке варешки. – А ещё – заходите с папой в гости! Я делаю самые вкусные в мире бутерброды с сыром, и есть их можно когда угодно, а не только на завтрак.

Горько

Колю тошнило. Ему казалось, что пятна крови, как рассыпавшиеся по земле фасолины, разбегаются от его

ног в разные стороны. Но позволить упасть в обморок он себе никак не мог. Хотя голова кружилась так, что ему пришлось опереться всем весом на древко топора, торчавшего из колоды.

Широкий двор, обнесённый деревянной изгородью, тем временем продолжал жить обычной жизнью: в дальнем углу во сне позвякивал цепью осоловевший от августовского вечернего солнцепёка здоровый лохматый пёс; у сарая вокруг корыта с зерном толклись, роняя перья, взбалмошные куры; гуси, приосанившись, как будто они не какие-нибудь домашние жирные неуклюжие задирь, а благородные лебеди, важно вышагивали, пытаются элегантно пощипывать остатки сорной травы, торчавшей вдоль вскопанных, прополотых грядок; на деревянных, тщательно покрашенных голубой краской ступенях аккуратного деревенского дома щурился на Колю отъетый на домашних объедках котяра, которому даже упитанные воробьи, сидевшие на заборе, были совершенно неинтересны, потому что его белая, в красный горох, с отколовшейся по ободку эмалью миска, стоявшая под крыльцом, была ещё наполовину полной хозяйкиными наваристыми щами.

Жизнь текла размеренно и привычно, а по Колиному лбу к переносице катилась тонкая струйка пота, и, несмотря на то что, взглянув на дорогу, уходящую от калитки через поле в сторону посадки, можно было увидеть, как жара всё ещё нависала душной, дрожащей пеленой над растрескавшейся колеёй, испарина на худеньком лице юноши была ледяной. Он стоял, пытаясь унять дрожащие от озноба руки, и шумно втягивал носом едкий для городского жителя воздух, в котором свежесть буйной зелени смешивалась с терпкой сладковатой вездесущностью навоза.

Разорвал это тягучее, медленное, как коровье мычание, течение времени громкий и резкий женский голос,

словно молотком кто-то со всего размаху жажнул по жестяному тазу.

– Николай! Ужин стынет! Идёте уже? – Распахнувшееся с озорным звоном маленькое окошко в кружевных ставнях как будто выдохнуло во двор румяную, весёлую девушку, которая со взрослой укоризной посмотрела на застывшего в странной позе, державшегося двумя руками за топориче Колю.

– Бегу, Ольга Иванна! – спохватился юноша, отпустил топор и принялся зачем-то отряхивать брюки. – Вот только умыться бы мне...

– А кому я рукомойник показывала? – опять повзрослому снисходительно, цокнув языком, спросила девушка. – Ладно. Сейчас из ведра полью, к забору ток отойди.

Окошко запахло, а Коля на ватных ногах, пошатываясь, пошёл к калитке.

– Да куда ты? Туда, где яма компостная у дальнего забора, иди! – уже с крыльца командовала торопливо Ольга. – Чего ты как пришибленный?

– Да что вы, Ольга Иванна, какой пришибленный? На жару разморило, вот и растерялся. – Коля, уже собравшись с силами, потряс головой и, старательно изображая бодрость, побежал в сторону компостной ямы.

Ледяная оглушительная мощь обрушилась на спину и плечи, обожгла их, и вода, как будто нагревшись за секунду, побежала по шее на голову уже тёплыми струйками. Коля подставил ладони и собравшейся в них прохладой шлёпнул по лицу, растёр лоб и щёки, пыхтя и фыркая.

– Вытирайся скорей и пойдём, – ласково, уже не взрослым голосом попросила Ольга, протягивая Коле вафельный рушник. – Родители заждались.

Весь оставшийся день Коля помнил отрывками, да и они были в каком-то тумане, как мелкие точки гнуса всё над той же раздавленной жарой до трещин просё-

лочной дорогой. Помнил, как накинул на ещё влажное тело оставленную на перилах крыльца свою парадную рубаху, отчего она каким-то неуклюжим комком прилипла между лопатками, но оправить которую он так и не решился, сидя за столом. Помнил, как пытался бойко отвечать на вопросы, которые задавала, щедро накладывая ему дымящуюся разварившуюся картошку, Ольгина мать. Помнил, как Ольгин отец, откинувшись на спинку стула, качал головой и звонко цокал языком – совсем так же, как делала это Ольга, если была чем-то недовольна.

Осталось в памяти, как скрипнула, закрываясь за ним, задвижка на калитке и он, обернувшись на этот скрип, увидел свою девушку, крепко сжавшую в ладонях сужающиеся кверху, похожие на хорошо заточенные карандаши две рейки штaketника.

Помнил, как бежал, задыхаясь, чтобы успеть запрыгнуть в пустую последнюю электричку, и как в вагоне из его груди рвался наружу какой-то звериный крик, но даже в одиночестве он не смог издать ни звука.

В комнату пустующего по большей части во время летних каникул общежития Коля тихонько вошёл глубокой ночью, осторожно прокрался к своей кровати, сбросил под неё пропахшую деревенской жизнью одежду и стал кутаться в тонкое одеяло.

– Явился? Чего тихоришься? Как прошло? – Соседская панцирная кровать издала протяжный стон, и Яшка, одноклассник Коли, спустил ноги на пол.

– Да я спать, Яш... – усталым голосом ответил Коля. – Еле на электричку успел, а с неё пешком до общежития, автобусов-то нет уже. Давай завтра расскажу?

– Смеёшься, что ли? Завтра? – хмыкнул, зевнув, Яша. – Сейчас же до утра проворочаешься, мне всё равно не уснуть будет. Выкладывай уж всё как есть...

Свет не включали: из окна в комнатку проникала тусклая полоска, освещавшая узкий половик между кроватями, небо уже было белёсо-серое и вот-вот должно было начать розоветь на дальней кромке, где торчала вечно дымящая заводская труба.

Яша прошаркал на кухню наспех надетыми тапочками, прямо в трусах и майке. Вскипятил немного воды и, обжигаясь, торопливо опустил на поставленную Колей табуретку два дымящихся стакана, в которых бешено извивались, оставляя за собой тёмные ленты шлейфов, крупные чаинки.

Коля рассказывал сбивчиво и нехотя. Знал, что всё равно придётся, что Яшка не отстанет. Не вдавался в детали, но и не пропускал ничего: друг обязательно бы заметил и стал выспрашивать подробности.

Вот Ольга встретила на станции, вот дошли они через деревню до дома, здороваясь с местными жителями и чувствуя спинами их заинтересованные взгляды. Вот девушка представила его родителям – активным, коренастым, с резким говором пожилым людям с белыми глубокими морщинами, разрисовавшими их красно-коричневые, обожжённые солнцем лица.

Вот Ольга с матерью начали хлопоты, чтобы накрыть на стол, а отец, подбоченясь, узнавал у Коли, откуда он, кто его мать с отцом и прочие житейские дела, которые обычно узнают, пытаясь понять, подойдёт ли молодой человек дочери в качестве жениха.

И тут Коля дошёл в рассказе до того места, где тошно-та начала подбираться к горлу.

И замолчал.

– Убрать? – переспросил Яшка. – И что тут такого?

– Да я же, понимаешь, никогда... Никогда до этого... – пересиливая нежелание говорить, выдохнул Коля.

– Ну и сказал бы отцу, что никогда не убирал...

– Так я и сказал! А он говорит: «Ну выпей тогда водочки – и с Богом! С водочкой оно легче будет...»

– И ты выпил? Ты ж не пьёшь! – Яшкины глаза округлились, и в них заиграли какие-то чертовские огоньки.

– Выпил... стакан... – выдавил из себя Коля. – Выпил... и того...

– Убрал? – перегнулся через табуретку Яшка, заглядывая прямо в глаза, как будто в самое его нутро.

– Убрать-то убрал, а он как побежит! – громким шёпотом выпалил в самое Яшкино лицо Коля.

– Отец Ольгин? – отодвинулся от неожиданности Яшка.

– Да какой отец? Они с матерью и не смотрели даже... Петух! Петух как побежит!

– Ты ж говоришь, убрал его? – Яшка с недоверием посмотрел на Колю.

– Да! – чуть не плача от навалившихся с новой силой жутких воспоминаний, выкрикнул Коля. – Я рубанул, голова того... а он – бежать... Без головы, понимаешь? Бежит по двору, а из шеи кровь... разлетается...

– Ах-ха-ха-ха! – Яшка повалился на кровать, пытаюсь как будто спрятать свой внезапный смех, задрал с живота майку и пряча в неё своё покрасневшее лицо. – Вот знатный же бульон из этого бодрого петуха выйдет! Лечебный, как пить дать! Любого на ноги поднимет, хоть безголового...

На слове «бульон» Коля зажал руками рот и, скрючившись, выбежал из комнаты как был – босиком, в одних трусах, с наброшенным на плечи одеялом.

Одеяло свалилось в коридоре, но Коля не смог подобрать его: еле-еле успел он добежать до туалета, и его выворачивало там наизнанку минут двадцать, если не дольше. Яшка прибежал следом, испуганный и какой-то внезапно осунувшийся, просил прощения, сам

не понимая за что, и заставлял друга пить воду. Но вода в гранёном стакане как будто пахла той же деревенской водкой, что залпом опрокинул Коля несколько часов назад, перед казнью, такой обыденной и простой для его будущих родственников, но такой нереальной и противоестественной для него.

– Свадьба-то будет? – заметив, что Коля уже не захлёбывается собственным сбившимся дыханием, спросил Яшка тихонько.

– Будет... – Коля вытер ладонью мокрый от пота лоб. – Осенью будет. Поженимся с Ольгой Ивановой, институт закончим и поедем по распределению вдвоём куда-нибудь как муж и жена.

За треснутым стеклом туалета на четвёртом этаже студенческого общежития красный солнечный кружок уже вскарабкался на заводскую трубу и барахтался в клубах серо-сизого дыма. Впереди было столько прекрасного и нового, тяжёлого, но преодолимого, долгожданного и случайного, что этот уходящий в огненное зарево наступающего утра страшный Колин день мог навсегда сгореть в памяти, но по какой-то странной, не подчиняющейся никакой логике традиции история эта вспоминалась каждый раз за праздничным столом, когда в гостях у большой Колиной семьи собирались родственники или когда они с семьёй приезжали к моей маме, Колиной младшей сестре.

Жизнь текла своим чередом, продолжаясь во внуках и правнуках, в дяди-Колиных глубоких белых морщинах, которые лучиками расходились вверх от уголков глаз, так что было понятно, как часто он смеётся.

Жизнь бежала сквозь ужасы перестройки и мрак девяностых, через границы стран и интернет-сообщества двухтысячных – дальше и дальше, как тот петух с отрубленной окровавленной головой, не веря в смерть и не замечая, как что-то иногда всё же заканчивается.

Про людей

Вот идёт по земле человек. Он идёт спокойно и размеренно, заранее продумывая последующий шаг. Человек гладко выбрит, опрятен в полном понимании этого слова, и в наиблестящем носе его правого ботинка, как вечно движущийся маятник, через каждые две секунды проплывает, отражаясь, то назад, то вперёд кожаный, аккуратно упакованный небольшой чемоданчик. Мысли Человека с чемоданчиком похожи на самого Человека с чемоданчиком: всё сложено в аккуратные стопочки, стопочки положены на полочки в определённом наиправильнейшем порядке, а полочки расположены так, что в любой момент можно обнаружить и достать любую интересующую вас стопочку и отдельный из неё листик. Идёт правильный человек и думает, что всё в его жизни идёт по упорядоченному, правильно составленному плану, который ничто на свете нарушить не может.

Но увы... Из-за очередного продуманного поворота пути правильного Человека-чемоданчика появляется другой человек. И тут уж Человеку с чемоданчиком можно только посочувствовать. Ему бы на своём правильном пути встречать только таких же, подобных ему, правильных, опрятных, размеренных людей, а встречаются, как назло, не просто не такие же, а совершенно противоположные. Итак, повернувший из-за поворота человек, идущий теперь прямо навстречу Человеку-чемоданчику, вызвал у последнего небывалое удивление и недоумение, и, в принципе, его можно понять. То, что надвигалось на него, было одето в вязаную, всех возможных цветов хламиду, из-под которой торчали развевающиеся по ветру штаны, удерживаемые, казалось, только ногами, также удерживающимися на земле лишь благодаря обуви,

увесистой по причине невероятного количества грязи, непонятно как удерживающейся на них. В довершение всего на лице его была видна лишь улыбка невообразимых размеров, всё же остальное скрывалось под густо растущим волосяным покровом, свисающим, к ужасу Человека-чемоданчика, аж до пояса этого Нечто. Нечто с удовольствием грызло зелёное яблоко, заедало его чёрствым, чёрным непонятно от чего – то ли от времени, то ли от пыли – хлебом и иногда прихлёбывало из бадьи что-то пенящееся. В руке, той же самой, где было яблоко, Оно (Нечто) несло пучок сорняков (как отметил про себя Человек-чемоданчик, отличавшихся пятилистным строением).

Нечто приближалось к Человеку с чемоданчиком, и его невероятных размеров улыбка расползлась по мере приближения в ещё более невероятную – безразмерную. Чемоданчик начал даже было пятиться, тем самым меняя свои неизменные, правильные планы при виде такого интереса к себе со стороны этого странного существа, только отдалённо напоминавшего Человеку-чемоданчику человека. Но, опомнившись, Человек-чемоданчик перестал пятиться, посчитав это грубейшей ошибкой, и просто остановился, закрыв глаза. Он ожидал самого страшного, но любопытство, всё же присутствующее ему, выиграло над страхом, и он приоткрыл левый глаз: Нечто надвигалось и уже было совсем близко – глаз самопроизвольно зажмурился до боли. И тут Человек-чемоданчик почувствовал, что против своей воли начинает отрываться от земли. Он открыл глаза и увидел, что причиной этого является Нечто в вязаной хламиде, которое обняло Человека-чемоданчика и подняло в воздух, смятая гладко выглаженный костюм. Человек-чемоданчик беззвучно замахал руками, норовя попасть чемоданчиком по голове бесформенного создания и ос-

вободиться. Но усилий прикладывать не пришлось, и волосатое создание само отпустило правильного, но теперь изрядно помятого Человека-чемоданчика. Затем (на что этот же правильный ничего не смог возразить) вручило ему оставшуюся половину яблока, кусок хлеба, налило из бадьи в откуда ни возьмись появившийся стакан пенящейся жидкости и потом после небольшой паузы, вздохнув, но так же радостно отдало бóльшую часть сорняков. От этого Человек-чемоданчик совсем потерял дар речи и встал как вкопанный. И тут произошло чудо: Нечто (по мнению Человека-чемоданчика, неспособное на большее, чем несложные физические действия) заговорило (правда, на несколько странном диалекте, включавшем в себя как слова, по крайней мере, из трёх различных языков, так и сочетания слов уж совсем непонятного наречия). Сказало Нечто, точнее спросило, что-то подобное: «Хай! Пипл! Скажи мне, куда ты гоуаешь, ибо нефиг больше молчать!» После небольшого размышления Человек-чемоданчик понял, что его спрашивают о направлении его пути, но, не будучи способным говорить от пережитого, дрожащей рукой указал направление, заданное его правильным планом. Направление, указанное Человеком-чемоданчиком, вызвало радость у Человека в хламиде, и, положив руку на плечо Человека-чемоданчика, он повлёл его туда, откуда только что пришёл, сказав, что им по пути.

Человек-чемоданчик ничего более не мог поделать, но успокоил себя тем, что направление его пути, хотя и после небольшой задержки, восстановлено. Правда, хоть и сохранено было направление, вид Человека-чемоданчика уж более не говорил о его безупречной правильности, целеустремлённости и опрятности. Помятый пиджак его болтался странно, сдвинувшись, съехав совершенно с одного плеча, обувь запылилась, а чемо-

данчик по неправильной траектории дёргался в руке, обременённой к тому же половиной яблока и сорняками. И хотя его это беспокоило, он приводил себя в чувство мыслью о том, что Хламида не причиняет ему сильного вреда, и покорно шёл пока в правильном направлении. Но вскоре он понял, что волосатое Нечто хоть и не прямо, но косвенно представляет собой объект довольно опасный. А понял он это, когда из-за очередного правильного поворота пути появились двое...

И хотя их внешний вид был не столь странным, как у первого знакомого Человека-чемоданчика, но почему-то страшное предчувствие мелькнуло у него в голове и так более не оставило. Двое показавшихся из-за поворота были голы в трёх местах: на голове (совершенно голой из-за отсутствия какого-либо волосяного покрова), на ногах (частично: из их сланцев были видны пятки и пальцы) и, как правильно показалось Человеку-чемоданчику, а потом и подтвердилось, – в голове. Одеты они были как спортсмены: в футболки и спортивные штаны (что несколько обрадовало Человека-чемоданчика, так как он было подумал, что они тоже люди правильные и целеустремлённые). Но потом, увидев, что они, во-первых, в отличие от спортсменов, не бегут, а, во-вторых, курят и косят на встречных недобрые, налитые кровью глаза, Человек-чемоданчик обмер...

Но остановиться он не смог, так как Волосатое шло как ни в чём не бывало навстречу страшным типам, уже показывавшим на Человека-чемоданчика и Нечто пальцами и что-то друг другу говорившим явно по поводу встречных. Они подошли прямо к ним, и один спросил вроде бы на обычном языке, но странно растягивая гласные в словах: «Ты-ы чё-о-о та-а-кой ва-а-ласатый?» – обращаясь явно к Человеку в хламиде с таким видом, что было понятно: что бы тот ни ответил, он убьёт

и его, и ни в чём не повинного Человека-чемоданчика. Но, на удивление последнего, вопрос лысого вызвал опять-таки улыбку на лице Хламида, а затем последовали и вообще странные действия. Из рюкзака на спине, дотеле не замеченного Человеком-чемоданчиком из-за волосяного покрова Хламида, Нечто достало два яблока, затем, порывшись, две бутылки с прозрачной жидкостью, хлеб, ещё пучок сорняков и откуда-то взявшийся в рюкзаке цветочный венок. Каждому из лысых он вручил по яблоку, по куску чёрствого хлеба и по бутылке, пучок сорняков отдал одному, а другому надел на голову венок, одобрительно посмотрел на обоих, потом как будто что-то вспомнил, опять порылся в рюкзаке и повязал каждому из лысых по верёвочке на руку. Теперь, уже с явно довольным видом от содеянного, улыбнулся и произнёс умиротворённо: «Я верю в вас, пипл! Все люди – братья и дети цветов. Живите с миром. Бай!» – и вновь повлёл Человека-чемоданчика в нужном ему направлении, положив руку ему на плечо. Уходя, Человек-чемоданчик обернулся и увидел, что странная парочка как стояла, так и стоит... А Хламида не оборачивался и шёл в нужном для Человека-чемоданчика направлении.

Мысли в голове Человека-чемоданчика путались, стопочки падали с полок, и в каком бы из листиков он ни рылся, не мог найти логичного объяснения тому, что происходило с ним. А объяснить надо было многое. Во-первых, что это за странный Человек-хламида и почему ему не важно его собственное направление пути; во-вторых, что за странные вещи хранятся у него в рюкзаке в полнейшем беспорядке; в-третьих, что за двух страшных типов они встретили, и, наконец, почему странные речи и действия Нечто произвели на встречных такое умиротворяющее впечатление? Кстати, о тех двоих...

Они немного постояли, явно соображая, что сказал и что сделал Человек в хламиде. Потом тот, что был в венке, стащил его с головы и вопросительно посмотрел на друга. «Ну ты-ы чё-о-ни-и-будь по-о-ня-а-ал?» – спросил он. Другой пожал плечами, сорняк положил в карман штанов, откупорил бутылку с прозрачной жидкостью, выпил, понюхал хлеб и сказал: «Да хрен с ним!» Второй был явно с ним согласен, с жидкостью и хлебом проделал то же самое, и они, обнявшись, побрели дальше, грызя подаренные Человеком-хламидой яблоки.

А Человек-хламида, обняв Человека-чемоданчика, шёл по правильному (с точки зрения Человека-чемоданчика) пути. Человек-чемоданчик осмелел и слушал с интересом речи Нечто о всеобщем мире и счастье, о добрых людях, скитальцах и менестрелях, любящих всё живое вокруг себя. Затем Хламида достал из рюкзака губную гармошку, и они шли дальше под его весёлую игру. Встречались им по дороге и ещё люди. Была и толпа таких же лысых, но теперь уже одетых в штаны с подтяжками и солдатские ботинки людей, были и мужчины, переодетые в женщин, и женщины, переодетые в мужчин... Были и похожие на Человека-чемоданчика, но они уж более не привлекали его. Мысли в его голове окончательно смешались, полочки рушились, стопочки падали, но его больше не волновало это. Он шёл, загребая носами ботинок пыль, с весёлой улыбкой на лице, сняв пиджак и размахивая чемоданчиком, отчего в нём всё так же рушилось, как и в его голове.

И тут Хламида и Человек-чемоданчик подошли к развилке. Три дороги уходили в разные стороны и растворялись вдали. Человек-чемоданчик вспомнил про план и правильный путь, но потом, помотав головой, закрыл глаза, покрутился на месте вокруг себя, открыл глаза, подумал, размахнулся да так зафигачил свой чемодан-

чик чёрт знает куда, что аж подпрыгнул на месте от удивления. Затем он посмотрел на Человека-хламиду, ещё покрутился на месте и пошёл, обняв Нечто, куда глаза глядят, напевая песенку под аккомпанемент губной гармошки, в неправильном, но так теперь неважном для него направлении.